

Андрей Юрьевич Орлов
Урал 2017. Эра безумия
Серия «А.Н.О.М.А.Л.И.Я.»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714831
Орлов А. Ю. Урал 2017. Эра безумия : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085212-3

Аннотация

Аномально жаркое лето 2017 года. В уральском мегаполисе свирепствует загадочная инфекция. Больницы переполнены, люди умирают в мучениях прямо на улицах. Внезапно часть зараженных начинает терять разум и превращается в зомби. Вот тут Андрей Баталов начинает понимать, что потерять любимую – не самое страшное. В городе воцаряется хаос, пожары, по улицам носятся толпы голодных вурдалаков. Небольшая группа выживших пытается вырваться из города. Постепенно они понимают – эпидемия была не случайна. Кому и зачем это было выгодно предстоит узнать героям новой книги Андрея Орлова.

Андрей Орлов

Урал 2017. Эра безумия

© Орлов А. Ю., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

На главном городском погосте было тихо и... как-то не празднично. В знойном мареве расплывались могилки и ограды. Царило безветрие – ни один листочек не шевелился на березе. Дерево у ограды создавало тень, но она не спасала. Дышалось с трудом – воздух раскалился, загустел, временами складывалось впечатление, что люди этим аномальным летом 2017 года дышат не кислородом, а какой-то едкой химией. Андрей шевельнулся, вышел из оцепенения. Затекала нога, он сменил позу. Ком в горле не рассасывался, легкие с трудом впускали воздух. Он сидел внутри ограды, смотрел на могилу недельной давности, заваленную жухлыми цветами, на свежий букет, который положил несколько минут назад. Довольно странно – за неделю не пропал ни один цветочек. Обычно их тащат бомжи, а потом продают посетителям за воротами кладбища. Тишина в этом скорбном уголке стояла какая-то неправильная. Он покосился вбок – там что-то шевелилось. Через участок возилась пожилая гражданка в платочке – что-то чистила на «своей» могилке, собирала мусор в пакет. Похоже, она неважно себя чувствовала – иногда замирала, при этом дышала так, словно это были ее последние вздохи. Молодого мужчину по соседству гражданка не замечала. По лицу пенсионерки струился пот. Пожилым людям этим знойным летом было особенно трудно...

Андрей раздраженно поморщился – донеслись посторонние звуки. Он покосился через плечо. Из-за поворота показалась машина – вполне представительный джип. Он как-то неуверенно, рывками катил по дорожке, петляющей между «кварталами». Сместился к левой обочине, заехал на траву и встал, едва не уткнувшись в капот лупоглазой «Хонды» Андрея. Надрывно кашлял водитель. Распахнулась дверь, он вывалился из машины, едва не свернув ограду, за которой возвышались шалашом свежие венки. Лицо водителя искажалось, цвело багрянцем, он кашлял очередями. Оставив дверцу открытой, побрел, как пьяный, в узкий проход между могилами и пропал за кустами. Доносились лающие звуки – водителя рвало. Он был один в машине – больше никто не вышел.

Голова была пуста, как выпитая накануне бутылка водки. Переваривать увиденное она не собиралась. Возвращалось оцепенение. Жара усугубляла душевные муки. Снова мутный взор фиксировал каменное надгробье, фотографию смеющейся девушки с лучистыми глазами. Скорбная датировка ниже фото: 8 января 1991-го – 12 июля 2017-го... Пару дней назад до него дошло окончательно: Риты нет и больше не будет. Он видел сны, как она возвращалась – входила в квартиру со своими ключами, садилась к нему в постель, гладила, что-то щебетала про глупый розыгрыш, вселенское недоразумение, что больше никогда такого не повторится. Он просыпался, замирая от надежды, и снова погружался в беспросветный мрак. Он каждый день приходил на могилу, тупо созерцал надгробье, чего-то ждал. Дни тянулись в тумане, он жил в каком-то выжидательном анабиозе. А пару дней назад вдруг понял с пронзительной ясностью – всё, Риты нет, она не вернется! Он подавил порыв шагнуть через подоконник, схватился за холодную батарею – ты что замыслил, дурачина? На том свете станет легче? С чего ты взял, что на этом все закончится? Живи, как получится, тяни эту лямку. В последующие двое суток он беспробудно пил, не выходя из дома – благо имелись в холодильнике запасы...

Он любил эту женщину до дрожи. На сентябрь намечалась свадьба. И все закончилось, когда водителю большегруза на трассе стало дурно, он выехал на встречу и смял в лепешку не успевшую отпрыгнуть малолитражку. В этом месяце очень многим внезапно становилось дурно. Водитель многотонного грузовика выбрался из оторвавшейся кабины, но процесс уже

вступал в конечную фазу. Человека тряс озноб, рвота лилась рекой. Он прополз пару метров на корточках и умер. Медицинское заключение писалось долго – это был не инфаркт, не инсульт. Что-то острое инфекционное, поразившее ткани и кровь. Отчасти симптомы сыпного тифа, отчасти вирусного гепатита. Но почему водителя в таком состоянии допустили к работе? Коллеги и начальство хором твердили, что парень был здоров, как бык, три часа назад прошел медосмотр. Какие только загадки не таятся в человеческом организме... То, что осталось от Риты в сплющенной «Тойоте», спасатели вырезали несколько часов. Несостоявшийся тесть – Иван Алексеевич Сурин – сошел с ума, когда на опознании ему предъявили растерзанный труп. Матери у Риты не было, воспитывал отец, бывший военный – и проблемы с психикой начались не сегодня. Трагедия с дочерью лишь усугубила состояние – мужчина впал в глубокую депрессию. Человека устроили в хорошую клинику – спасибо Шуре Черепанову, давнему однокашнику, врио главврача психиатрической больницы № 2. Он первым предложил помощь, видя беспомощность Андрея, взял дело в свои руки и устроил человеку надлежащие уход и лечение...

Он с трудом оторвался от смеющихся глаз, сделал попытку продохнуть. Попытка провалилась, легким не нравилось работать с горячим воздухом. Он извлек из борсетки фляжку, обтянутую кожаным чехлом. Грамм сто внутри оставалось. Андрей смотрел на нее, не решался открыть. Жизнь показывала, что это не самое страшное зло. Поколебавшись, сунул ее обратно. Незапланированных встреч с гаишниками никто не отменял, а от него и так воняло. Он погладил фотографию мертвой девушки. Пусто было на душе. И с телом творилась какая-то ерунда. Неделя в прострации, ноги ватные, в голове туман. Он давно перестал замечать, что происходит вокруг. Отстранился от жизни, не замечал людей. Он поднялся на негнущихся ногах, побрел к дороге. Отметил боковым зрением, что пенсионерка еще здесь. Устала работать, присела, утирая пот. Мужчину, идущего к машине, она не замечала. Возможно, он становился прозрачным. Или тоже умер...

Он открыл дверцу лупоглазой «Хонды» и мрачно уставился на подперший его джип. Водитель не вернулся – как убежал в кусты, так там и остался. В округе властвовал покой. Дверь водителя была распахнута, двигатель работал.

– Эй, мужик, машину убери! – хрипло выкрикнул Андрей. В окружающем пространстве ничего не менялось. Кусты помалкивали. На кладбище царила повседневная кладбищенская тишина. Андрей выждал, повторил призыв. В третий раз кричать не хотелось. В нормальном состоянии он бы, разумеется, полюбопытствовал. С водителем что-то стряслось – немудрено на такой жаре. Но в данный час – похмельный, раздавленный, с образом Риты в голове – он даже не рассматривал такую возможность. Вздохнув, сел за руль подержанной «Хонды», начал рывками сдавать назад – до чугунной загородки оставалось небольшое расстояние. Он смял траву, уперся бампером в бугорок. Медленно, едва не касаясь «обнаглевшего» джипа, начал выворачивать. В обычный день он бы от души поругался, но сегодня не хотелось. Не доходило.

Он плелся по кладбищенским дорожкам, объехал переполненные мусорные баки, ворота, у которых почему-то отсутствовала охрана. Обычно людный пятачок за воротами тоже пустовал. Стояли припаркованные машины, но ни в салонах, ни вокруг не наблюдалось никакой жизни. В происходящем было что-то неправильное. Кондиционер работал, поэтому до выезда на трассу он более-менее отдышался и пришел в себя. Надо прекращать хандрить, – подумал Андрей. Жизнь продолжается, какой бы бессмысленной она ни была. Он снова сместился к обочине, встал под величавой корабельной сосной, достал телефон, чтобы позвонить на работу. Он управлял магазином в Закаменском районе, торгующим запчастями и мелкой «самодвижущейся» техникой. Фантастической прибыли бизнес не приносил, но на жизнь хватало. Подчиненные понимали, что ему сейчас не до работы, справлялись сами. Были сочувствия, соболезнования, но с текучкой никто не лез. Хоть на этом спасибо. Он

плотнул минералки из бардачка, набрал своего зама Павленко – просто узнать, не разорилась ли еще контора. Вызов не проходил. Он тупо созерцал экран, пока не дошло, что отсутствует связь. То есть вообще. Явление редкое, но пока не исключительное. Пожав плечами, он поехал дальше и через пару минут уперся в Западное шоссе, славящееся узкими горлышками и непробиваемыми пробками. Слева в полуденной думке вздымался Горячинский кряж, отпочковывающийся от Уральского хребта. Зрелище величавое в любое время дня и года. Горные кручи вздымались до неба, снег поблескивал на вершинах, абсолютно безразличный к аномально жаркому лету. Каждый выходной туда устремлялись тысячи горожан, надеясь найти прохладу на местных сопках. По горным серпантинам карабкались машины, пешие группы. Находились чудачки, которые покоряли вершины, разбивали там палатки и насмешливо взирали с высоты на задыхающийся город.

Попутная полоса была пуста. Андрей засмотрелся на ползущую навстречу бетономешалку, повернул направо. Пронзительный рев привел в чувство! Ахнув, он выжал тормоз, и мимо него на запредельной скорости, продолжая верещать, промчалась спортивная «Мазда-3»! Какого черта, ведь никого тут не было! От столкновения уберегли какие-то доли мгновения. Сердце колотилось, колючий еж выдавливался из горла. Злость ударила в голову. Испугался? Жить захотелось, Андрей Михайлович? А смысл имеется?

Убедившись, что до ближайших фар не менее двухсот метров, он выехал на трассу и покотил к городу – суровому уральскому мегаполису, центру металлургической и прочих промышленности, центру притяжения в южной части Уральского региона. Быстрее шестидесяти он не разогнался. Тише едешь – дольше живешь. Несколько раз его по встречной полосе обгоняли машины – движение в этот день было незначительным. Возможно, из-за жары, или из-за того, что суббота на календаре. В полуденной ряби проплывали окраинные микрорайоны, коттеджи, замшелый частный сектор, который власти пообещали снести через двадцать лет. Асфальт, положенный в прошлом году, уже вздувался, обрастал трещинами. От монотонной езды опять уплывало сознание. Глухо вещал приемник – диктор уверял, что жара на Южном Урале продлится еще неделю – ну, максимум две или три. А потом, наконец-то, в регион придут долгожданные «двадцать пять» (ну, максимум «тридцать»). Ведущий сам не верил своим словам – проговаривал их вяло и неубедительно. «Такие новости следует сопровождать закадровым смехом», – лениво подумал Андрей. Он убедился, что мобильная связь продолжает отсутствовать, сделал попытку подумать головой (а не чем-то еще), с чем это связано, но попытка провалилась. Мозги становились ненужным придатком черепа, картинка в лобовом стекле расплывалась, как пластилин над огнем. Дома уплотнились, он въехал в город. Машинально отмечались нетипичные картинки. На редкость не загруженные дороги – даже через «горлышко» под виадуком он проскочил, как по маслу, хотя в иные дни мог стоять тут часами. Очень странно, два часа назад, когда он ехал из города, этого вообще не заметил. Хорошо, что в аварию не попал. Деревья скукожились от палящего зноя, походили на согбенных старцев. Избыток машин «скорой помощи» – несколько раз он замечал автомобили характерной расцветки, виляющие между другими машинами. Пешеходы тащились по тротуарам, вот кто-то схватился за фонарный столб, согнулся пополам, его рвало на бордюр. Переизбыток машин на обочинах – люди оставляли их впопыхах. Водитель белого фургона не доехал до обочины, бросил свое корыто на второй полосе, даже аварийку не включил. Молодая женщина лежала на тротуаре, ее трясло, пена изливалась с губ. Над ней приплясывал молодой парень, не знал, за что хвататься, кроме собственной головы. Притормозили прохожие, стали нагибаться, кого-то из них тоже вырвало...

Он никогда не видел такого количества ДТП. Японский микроавтобус врезался в подержанное купе, загнав его на тротуар и протаранив рекламную конструкцию. Двери машин были нараспашку, рядом никого – либо обошлось без пострадавших, либо их уже увезли... Авария из трех машин, последовательно воткнулись друг в дружку – участники и очевидцы

при этом присутствовали, но обсуждали событие как-то без огонька. Плакала девочка с косичками, размазывая слезы по мордашке. Мамаша при этом присутствовала, но ничего не видела – ее как будто парализовало, сумочка свалилась с плеча... У высотного бизнес-центра «Уральский самоцвет» авария была куда серьезнее. Грузовая фура выезжала с примыкающей дороги – то ли тормоза отказали, то ли с водителем что-то приключилось, – понеслась с горки, завалилась боком на припаркованные авто. В машинах, кажется, кто-то был... Истошно выла женщина над укрытым простыней телом, ругались мужчины. Двое храбрых самцов бросались на инспекторов ГИБДД, и те не стеснялись применять дубинки. Их лица тоже искажала ярость. Андрей на пониженной скорости тащился мимо – одному штатскому уже перепало, он загибался от боли. Второго вдавили в капот и дубасили по ребрам, входя в раж и не стесняясь присутствующих. Мужчина орал, но стражи законности не унимались. У одного инспектора был разбит нос, униформа взмокла от крови. Толпа реагировала вяло, никто не протестовал, не возмущался. «И здесь разгул законности и правопорядка», – констатировал Андрей, пристраиваясь в хвост короткой очереди. Между тротуаром и перевернувшейся фурой оставался узкий просвет. Здесь стоял еще один инспектор, регулировал движение. Молодой парень был растерян, кусал губы, физиономия покрывалась мертвецкой бледностью. Андрей протащился мимо, даже не задумавшись, что если парень его остановит, последующие полтора года придется ходить пешком. «Выхлоп» от вчерашнего царил такой, что самого тошнило...

Все увиденное не откладывалось в голове. Онпил последние дни, не выходя из квартиры, что-то пропустил в этой жизни... Он повернул на улицу Планетарную, чтобы напрямую выехать к дому... и сам едва не пополнил сводку ДТП! На него летел, виляя «бедрами», обезумевший розовый «Платц»! Он успел среагировать, метнулся к бордюру, оцарапал крыло. Машина промчалась мимо, как ракета. Он успел заметить бледный лик водительницы средних лет, слипшиеся волосы. Да что случилось с людьми на жаре?! Он машинально обернулся. Розовый «Платц» на скорости сместился вбок, перелетел через бордюр, что с его посадкой было сущим безумием! Андрей невольно напрягся – не им подмечено, что столбы любят быстрых женщин. Водительнице удалось избежать столкновения с означенной конструкцией – машина сделала сумасшедший вираж, встала, никого не задев и едва не въехав в распахнутую дверь подъезда. Открылась дверца, вывалились стройные ноги в туфлях на шпильках, выгнулась худая шейка – водительницу рвало. Орала дети «мужскими» голосами, но в этом не было ничего неординарного – детский мат давно не шахматный термин...

Он тоже чувствовал позывы к рвоте. В горле раскалилась Сахара. Он нашел пустое место на парковке, добрал до павильона, чтобы купить минеральной воды. С трудом, словно старый разбитый дед, перевалился через крыльцо, вторгся в торговый зал. Там царил убийственная парная. Кондиционер не работал. Электричество тоже приказало долго жить – судя по мраку в холодильниках и на витринах. В зале было пусто – ни покупателей, ни продавцов. Он обзрел витрины, отключенные холодильники с напитками – можно представить, во что там превратились лимонад и пиво. Добрал до прилавка, выждал пару минут, постучал по стеклу. Никто не отзывался. Магазины вымер. «Неспроста, – сделал глубокомысленный вывод Андрей. – Наверняка за этим что-то стоит». Он созерцал застекленную витрину, в которой скукожились сосиски, сардельки и прочие изделия, не имеющие отношения к мясной продукции. «А из настоящего мяса в наших магазинах только продавщицы», – пошутила однажды Рита и взяла с него слово никогда, ни при каких условиях не есть это «жидкокартонное» дерьмо. При мысли о Рите он снова почувствовал тошноту. Стучать в витрину можно было до полной победы глобального потепления. Он махнул рукой и побрел восвояси. Скоро и так домой приедет, а в холодильнике полная банка с водопроводной водой...

Через несколько минут он въехал в тенистый дворик на улице Декабристов. Во дворе было тихо, как в гробнице. Чахлые тополя стояли, как приговоренные к расстрелу. Грудь-

лись старые пятиэтажные дома с облупленными фасадами. На фоне прочих дом, в котором проживал Андрей, выглядел сущей «Флоренцией». Не украшенный, к сожалению, фигурами античных богов, но вполне помпезный, основательный, возведенный в те годы, когда людей пачками расстреливали в подвалах, но строили на совесть. Он припарковался на своем «коронном» месте между мусоркой и качелями, в третий раз проверил телефон – связи не было. Он заглушил мотор, уныло констатировал, что машина продолжает немерено потреблять бензин. Полный бак он заправил за день до трагедии с Ритой. Практически не ездил, только сегодня – а стрелка опустилась уже на треть. Пора везти старушку в автосервис. Рита однажды укорила: твоя тачка ест, как голодный ребенок. Будем ждать, пока она вырастет и станет автобусом?

Любое воспоминание о потере вызывало резь в желудке. Он осмотрелся, прежде чем выбраться из машины. Двор пустовал, невзирая на субботний день. По детской площадке кругами носился палевый питбуль Смурфик из второго подъезда. За собакой волочился поводок. Физиономия пса выражала полнейшую растерянность, он не мог понять, куда пропал хозяин. Обоняние почему-то не работало. Собака металась по двору, жалобно скулила. Кинулась было к Андрею, но встала, затормозив всеми лапами – не то. В окружающем пространстве было что-то от чертовщины. Имей он трезвый ум и зоркий глаз, давно бы сделал выводы. Но рассуждал, видимо, так: если ему плохо, то и всему миру должно быть плохо. Он заспешил к подъезду, торопясь поскорее добраться до воды и дивана. Из подъезда вышли двое – молодожены с пятого этажа. Он, хоть тресни, не знал, как их зовут (а может, знал, но забыл). Даже обрадовался – хоть кто-то живой в этом «вчерашнем дне». Молодые неважно выглядели – парень кашлял и сплевывал, юная спутница с тревогой на него смотрела, не подозревая, что сама покрывается пунцовыми пятнами.

– Добрый день, Андрей Михайлович, – поздоровалась девушка, хватая парня за локоть. У того кружилась голова – он вцепился в косяк, как-то глупо улыбнулся.

– И вам того же, – отозвался Андрей. – Далеко собрались, молодежь? Надеюсь, не в парную?

– Павлику плохо стало, – хриловато объяснила девушка. – Вызвали врача, а он не пришел. Дойдем до поликлиники, должен же там работать дежурный терапевт?

Неясное чувство подсказывало, что прогулка закончится впустую. Но он не стал пускаться в дискуссии, пропустил семейную пару и ввалился в подъезд. Кружилась голова. Он карабкался по ступеням, как по плитам пирамиды Хеопса. В пятиэтажном доме отсутствовал лифт, зато имелись широкие ступени и мощные «антивандальные» перила. Такое чувство, что отяжелел на пару центнеров. Желудок раздувался, как гармошка. Он еле волочился, вцепившись в перила. Передохнул у подоконника, стараясь не влезть в свежую рвоту на батарее – кого-то качественно прополоскало. Двинулся дальше, хрипло напевая: «И уносит меня, и уносит меня...»

С площадки четвертого этажа доносилось сдавленное сопение. Пару лет назад так сопели, прижавшись к его двери, разнополые отроки, решившие заняться сексом. Путь их пролегал на чердак, но, видимо, не дошли – любовь накрыла с головой. У Андрея в тот день было скверное настроение, он гнал совокупляющихся до первого этажа, а потом за свой поступок было и смешно, и стыдно... Сегодня под его дверью никто не предавался радостям соития. Напротив своей квартиры возился сосед, безуспешно пытаясь провернуть ручку – некто Полторашин, худосочный, лет пятидесяти, безвредный, бесконфликтный, глава семьи из двух человек и кошки (однажды объяснил, смущенно разведя руками: мол, жена так повелела – быть главой семьи). Он повернулся на шум, явив растерянную физиономию, немного расслабился, обнаружив знакомую личность. В руке он комкал пустой пакет с логотипом местного «хлопчатобумажного» бренда.

– Что случилось, сосед? – Андрей натужно пошутил. – Тебе в магазине не продали еду?

– А, это ты, Андрюха... – забубнил Полторашин. – Представляешь, ерунда какая... Благоверная за молоком отправила – ну, побежал, а магазин закрыт почему-то... Возвращаюсь... ну, чтобы получить дальнейшие указания – а Валюша не открывает. Стучу уже минут десять, ручку дергаю, не слышит, что ли? А я, как назло, ключ не взял – ну, зачем, скажи на милость, брать ключ, если она дома, а я через десять мину приду?

– Логично, сосед, – согласился Андрей, утверждаясь на площадке. – Ключ в таких ситуациях брать не обязательно.

– И что теперь делать? – сокрушался сосед. – Боюсь, Андрюха, как бы с ней чего не случилось... Не открывает, зараза, зато Баська под порогом орет, как сумасшедшая, слышишь?

Можно и не прислушиваться. Отродье рода кошачьего, не дающее ему спать ночами своим кладбищенским мяуканьем, орало за дверью... как сумасшедшее.

– Слушай, а давай я с твоего балкона заберусь? – осенило соседа. – Ну, как в прошлый раз, помнишь – когда мы ключи потеряли? Там же хрен всего лететь... – И, не дождавшись ответа, принялся тормошить Андрея, подталкивать к двери. Тот не возражал. Не успел войти в дышащую жаром прихожую, как сосед оттолкнул его, вторгся в квартиру и побежал по ковру в грязных ботинках. Заскрипели шпингалеты, Полторашин вывалился на балкон. Андрей разулся, сунулся вслед за ним, чтобы убедиться, что сосед не промахнулся. Тот уже карабкался по собственным перилам. Андрей вернулся в комнату и рухнул на диван. В квартире было душно, воздух застоялся, открытая балконная дверь проблему не решала. Он нащупал тумбочку, кнопку вентилятора. Под мерное гудение стало легче. Но снова навалились тоска и одиночество. Он обливался потом, скрипел зубами, боролся с приступами хандры. Пошарил по дивану, нашел пульт от телевизора. Загорелся экран, забубнил диктор новостного круглосуточного канала. Его слова практически не усваивались. На большей части земного шара установилась аномальная жара – даже в южном полушарии, где по идее зима. («Пингвины, что ли, жалуются?» – вяло подумал Андрей.) Страдают гипертоники, пожилые люди, медицинские учреждения работают круглосуточно, не справляясь с потоком больных. Тысячи людей уже скончались от жары. Эпидемии причудливых болезней – причем не только в желтой жаркой Африке, но и в благополучной Европе. Где-то медики уверены, что источником заражения является речная вода, где-то водопроводная... Тревожные сигналы со всех концов необъятного земного шара... Правительства многих стран, особенно правительство Российской Федерации, принимают срочные меры, чтобы ситуация не вышла из-под контроля. Министерство чрезвычайных ситуаций и другие экстренные службы работают круглосуточно...

Андрей выключил телевизор в тот момент, когда диктор начал кашлять, изменившись в лице. Соринка в рот попала... А едва настала тишина, уши уловили еще один посторонний звук. За стенкой надрывно выли. Чертова собака – даже в голову не пришло, что воет человек. И уж совсем прошло стороной, что данное событие может быть связано с соседом Полторашиным. Выть могли где угодно. Потом включилась дрель – теперь уже справа, в другом подъезде. Такая же надрывная, мерзкая, как бормашина. Она гудела, не переставая, мотая нервы, но хотя бы заглушила вой. Все в порядке, что за сосед без дрели?

Через пару минут он начал сходить с ума. В голове варилась и выплескивалась каша. «Хватит, – рассудил Андрей. – Выйди из этого, пока окончательно не разлучили с головой!» Он пружинисто поднялся, дошагал до ванной. Влез под душ и тщательно оттирал от себя всю мерзость первой половины дня. Брезгливо уставился на отражение в настенном зеркале. Взъерошенный, пока еще подтянутый субъект тридцати трех лет от роду, щеки ввалились, небритый, глаза потухшие – картинка не отвести глаз! Достиг гармонии духа и тела! Глаза бы не смотрели...

Он сплюнул с досады, намылил физиономию и принялся соскабливать густую щетину. Полчаса назад безумно хотелось домой, а сейчас хотелось из дома. Зачем он сюда приперся?

Садись в машину, вали отсюда – за город, к реке, отвлекись, переночуй на природе – уж лучше, чем на кровати, где ты совсем недавно с Ритой занимался любовью! Стены ванной невыносимо давили. Казалось, из-за мягкой шторки выбирается рука Риты, мелодичный голосок просит передать ей шампунь – но только быстро и без хичкоковских штучек! Он познакомился с этой девушкой два года назад, втрескался по уши. И не угасло за сто недель сильное чувство, лишь острее становилось, крепло, как молоденький бычок... До Риты он четыре года жил один, превратив свою квартиру непонятно во что. Первая жена сбежала с майором милиции – можно подумать, мало было поводов не любить правоохранительные органы. Он не сокрушался – семейная жизнь себя изжила, заводить детей Анжелика не собиралась – блюла фигуру. И квартиру не отсудила – собственность Андрея, наследство от покойных родителей...

Он уже заканчивал процесс нанесения свежих царапин на физиономию, когда в прихожей заверещал городской телефон. Чертыхнувшись, он утерся полотенцем и побрел на шум. Стационарные телефоны работали – в отличие от сотовых.

– Хоть здесь тебя нашел... – сварливо забурчал старый однокашник Шура Черепанов – врио главврач психиатрической больницы номер два. – Дурдом какой-то, сотовой связи нет, покоя в мире тоже нет... – И сделал паузу, отметив, что собеседник не реагирует. – Не узнал, что ли, старого друга?

– Вроде того, – вздохнул Андрей. – Чем меньше пью, тем хуже узнаю людей. Здравствуй, Шурик...

– То есть сегодня ты выпил мало, – предположил старинный приятель. – Не поверишь, дружище, как я рад тебя слышать... – Только сейчас Андрей обнаружил, что голос медицинского работника подозрительно подрагивает.

– Что-то случилось? – насторожился Андрей. – Ты где?

– Случилось, Андрюха... Мне очень жаль, я от души тебе сочувствую, соболезную... но час назад скончался в результате трагического случая отец Риты Иван Алексеевич... Мы не виноваты, Андрей, это действительно несчастный случай на фоне повального безумия...

Шура поперхнулся и замолк. Он все сказал. Андрей стоял в оцепенении, не мог найти подходящих слов. Уснувшая тоска опять просыпалась.

– Между нами говоря, он все равно был не жилец, – непонятно зачем добавил Шура. – Ты в курсе, что у человека был запущенный рак легких? Да и какая жизнь после того, как потерял последнего родного человека...

В последних словах было что-то циничное, но Андрей проглотил.

– Ясно, Шура... – сказать было нечего.

– Приезжай. Ты должен присутствовать. Сам же говорил, что у него не осталось никакой родни...

– Приеду, Шура.

– Знаешь... – Приятель снова помялся, потом высказал странную фразу: – Мне кажется, это не самое страшное, что могло с ним случиться... Да и вообще со всеми нами...

То ли фразу он выстроил неправильно, то ли зашифровал ее – до Андрея она не дошла. Впрочем, чему удивляться? Любая фраза до него бы сейчас не дошла.

– Извини, что спрашиваю... – снова как-то издали начал Шурик, – но... ты как себя чувствуешь?

– Плохо, – буркнул Андрей.

– Что именно плохо? – встревожился Шура. – Понос, изжога, неконтролируемая рвота?

– Нет.

– Высокая температура, жар, аллергические реакции на то, что ранее воспринималось нормально?

– Нет.

- Приступы бешенства, паники, озноб, учащенное дыхание?
- Слушай, иди к черту.
- А что тогда? – не сдавался Шура.

– Жить не хочется, вот что, – отрезал Андрей и вдруг поймал себя на мысли, что после душа он чувствует себя абсолютно нормально – во всяком случае, физически. Нигде не болит, не ноет, голова не кружится, и в ней начинает что-то шевелиться – как бы даже не мысли.

– А, ну это нормально, – успокоился Шура. – Лишь бы не понос и не бешенство. А поднять свою тень и войти в Сумрак мы все хотим. Приезжай, Андрюша, жду.

– Да приеду я...

Он бросил трубку и застыл, ощущая всеми нервами звенящую тишину. Мурашки ползали по коже. Начал приходить в себя? Прими поздравления. Заглохла дрель в соседнем подъезде – видимо, ее владелец полностью высверлил кому-то мозг. С обратной стороны уже не выли. С открытого балкона не поступало никаких вестей. Все это было больше чем странно. Он прислушался к ощущениям в организме – не начинается ли то, что перечислил Шура? Не начиналось. И чего сидим в опостылевшей квартире? Он начал метаться по шкафам, вытряхивал чистое белье, рубашку, джинсы. Облачался чуть не в панике – как будто неприятности уже высаживались в соседнем дворе и начинали замыкать кольцо. Деньги в борсетку, документы, перочинный ножик знаменитой швейцарской фирмы. Фляжку не брать, это приказ! Он швырнул остатки пойла на диван. Подлетел к компактному сейфу, вмурованному в стену, где хранил рабочую документацию. Документы решил не брать, сунул в карман несколько бумажек с мертвыми американскими президентами – на всякий случай. Уходя из дома, не забыл выключить электроприборы. Прежде чем сгинуть в прихожей, обозрел с тоской просторный зал, в котором провел всю свою сознательную жизнь. Откуда это тягостное чувство, что он сюда не вернется? Чуть. Он мотнул головой, вытряхивая из нее остатки дури. Он вернется еще сегодня. Может быть, завтра. Куда он денется? Заедет утром на кладбище и вернется. Если мир, конечно, к тому времени не встанет на дыбы. Он развернулся через левое плечо и, не оглядываясь, зашагал из квартиры.

Во дворе ничего не менялось. Только страшенький Смурфик (урод в своей бойцовой семье – доброе и безобидное создание) испарился вместе с поводком. Место пса заняла незнакомая молодая женщина – растрепанная, в мятой сорочке, глаза растерянно блуждали. Поводок у нее на шее не болтался, но вид был такой, что она тоже потеряла хозяина. Или прилетела с другой планеты и безуспешно пыталась сориентироваться в пространстве. Она хотела куда-то пойти, делала несколько шагов и погружалась в задумчивость. Затем поворачивала на сто восемьдесят и снова билась в неодолимую преграду. Сложно представить, что творилось у нее в голове под пышной прической. Сообразив, что и эта дорога не ведет к цели, она стала рыться в сумочке, достала телефон и стала звонить – при полном отсутствии связи! Но это не было помехой – она упрямо давила на клавиши и прикладывала телефон к уху. Ничего особенного, – резонно рассудил Андрей. – Существует хоть одна женщина, которая знает, чего она хочет? Кончилось тем, что девушка мазнула его взглядом, в котором сквозила начальная стадия безумия – сочла мужчину пустым местом, развернулась и побежала со двора. Андрей вздохнул с облегчением – как-то не хотелось, чтобы эта незнакомка стала знакомой – дошагал до машины, завелся...

Его дом находился в историческом центре мегаполиса. До больницы было три квартала. Он осваивал их, как минное поле, недоуменно констатируя, что приходит в себя, но лучше бы этого не делал. Не было повода оптимистично смотреть на мир. Трафик уменьшался, городская жизнь погружалась в анабиоз. На проспекте имени вождя мирового пролетариата возвышались помпезные деловые центры – за последние годы их налепили столько, что пора сносить. Парковки были забиты, многие машины стояли с открытыми дверьми.

«Где все люди? – недоумевал Андрей. – Куда попрятались?» У центрального фонтана тоже было малоллюдно – хотя именно здесь должно наблюдаться паломничество. Сновали унылые личности – их контуры расплывались в мареве зноя. Фонтан не работал – видно, кончилась вода. Он свернул в первый переулок Глинки и вскоре уже катил вдоль проржавевшего решетчатого забора. Загнал машину за бойлерную у неухоженного сквера, стал искать лазейку. Лазеек здесь было больше, чем в законах Российской Федерации (Шура лично их показывал пару лет назад – после развеселой вечеринки в дурдоме). Вскоре он шагал по дорожке, петляя между дебрями кустарника. Обходить все это несчастье к главному входу не было желания. Корпуса больницы построили лет 60 назад, в эпоху «великого и ужасного», они порядком обветшали, но смотрелись зловеще. Трехэтажные глыбы из красного кирпича, соединенные закрытыми переходами. В беседке кто-то был, бубнили голоса. Он сменил направление, обогнул главный корпус – сам не понимая, откуда это стойкое желание не встречаться с людьми. Главный корпус гудел, но на задворках было безлюдно. У крыльца курили плечистые санитары, угрюмо смотрели на него. Могли и не пустить, но пустили – на снулых физиономиях отчетливо читалось, что им по барабану.

– Куда? – буркнул мятый, с воспаленными глазами работник.

– К Черепанову, – буркнул в ответ Андрей. – Он ждет.

В узком «предбаннике» темнота облепила, как плесень. Потолки здоровые – звук шагов по каменному полу отлетал от потолка, как мяч. Он выбрался в широкий коридор с истосковавшимся по ремонту стенами и сразу повернул к лестнице. За спиной остался растревоженный улей, персонал и их клиенты с экстравагантными и не очень болезнями...

Шура Черепанов – коренастый, солидный, в меру упитанный блондин в несвежем халате, имеющий привычку по любому поводу презрительно выпячивать губы – рассматривал его с такой предвзятостью, словно собрался купить. Не поленился выбраться из-за стола, ощупать, обнюхать – поморщился, уловив от приятеля характерный запах. Минутой ранее он орал в телефонную трубку, что это психиатрическая лечебница, а не травмпункт, и уж тем более не инфекционная больница.

– Проверку прошел? – натянуто усмехнулся Андрей. – Мне уже больно? В рот посмотришь?

– Стой спокойно, – огрызнулся Шура, продолжая свои загадочные пассы. – Не дерзи и поменяй выражение лица, оно меня уже бесит. С тобой точно все в порядке?

– Нет, – помотал головой Андрей.

– Что такое? – забеспокоился Шура.

– Процессор полетел.

– Какой про... Блин, шутить изволишь, – раздраженно скривился Шура. – Ладно. – Он расслабился, и по уставшему лицу пробежала сеточка морщин. – Депрессия, похмелье, это нормально. Весь в трудах и невзгодах. Ладно, что только это... Слава богу, иначе говоря.

– Что-то происходит? – спросил Андрей.

– Представь себе, да, – удивился Шура. – Нужно быть слепым и глухим, чтобы этого не видеть. Вот скажи, как ты сюда доехал? – Шура отстранился, брезгливо махнув ладошкой, как бы намекая, что с детства не выносит запах перегара (от других).

– На автопилоте, – пожал плечами Андрей. – Не обращай внимания, дружище, все пройдет. Ты же знаешь, я пью в меру.

– Знаю, – кивнул Шура. – И прекрасно вижу, в какую меру ты вчера надубасился. Ладно, понимаю, каково тебе, не тупой, не деревянный... Прими еще раз соболезнования. Пошли. – Шура забрал со стола связку ключей, пачку сигарет, осмотрел напоследок свой невзрачный кабинет, явно не соответствующий статусу целого главврача большой «душевной» больницы. – Ты как сюда прошел?

– Через задний проход. – Беспокойство нарастало. Шура явно чего-то боялся и не испытывал большого желания покидать кабинет.

– Вот через него и пойдем, чтобы не видеть весь этот бедлам, – кивнул Шура. – Не привыкать нам по жизни все делать через задний проход...

И снова голова отделялась от тела, а в организме протекала неустанная борьба противоречий. Он ловил себя на мысли, что организм с чем-то борется и в принципе справляется. Шура торопился, тянул его за рукав. По коридору сновали люди в белых халатах, что-то вопрошали у Шуры. Он односложно отвечал, отмахивался. Лестница, знакомый «предбанник», черный ход и курящие санитары – но уже другие. Аллея в глубь территории, задняя сторона ограды, неказистое строение на задворках – больничный морг. Двое работников дымили со страдальческими минами под криворуким тополем. В облезлых помещениях, заставленных шкафами и каталками, царила спасительная прохлада – но желания здесь пожить почему-то не возникало. К людям, переехавшим в мир иной, могли бы относиться уважительнее. Тела лежали в беспорядке, наспех прикрытые простынями. Работник морга с ввевшейся в физиономию серостью отогнул простыню и отвернулся. Освещение было скудное, но его хватало. За прошедшую неделю со дня гибели дочери Иван Алексеевич Сурин сильно исхудал, ни разу не брился. Щетина торчком, складками висела дряблая кожа. Глаза его были закрыты, на лице застыла смиренная скорбь. В верхней части височной области выделялась багровая короста – смерть наступила в результате воздействия внешних факторов.

– Что случилось, Шура? – пробормотал он.

– Не знаю, дружище... – стыдливо бубнил приятель, пряча глаза. – Этому нет объяснения – как и всему, что сейчас творится... Ты же знаешь, он лежал под моим присмотром, я лично его наблюдал и назначал курс лечения... У Ивана Алексеевича была клиническая депрессия – типичное аффективное расстройство. Вся ярко выраженная «депрессивная триада» – нарушение мышления, двигательная заторможенность, полная утрата способности что-то переживать. Он ничего не замечал, не ел – приходилось кормить принудительно. Он был абсолютно безобиден и тих... В палате, помимо Ивана Алексеевича, лежали еще двое со схожими диагнозами. Буйных там не было. Все случилось сегодня утром, часов в шесть. Его вдруг затрясло, кожные покровы резко покраснели, глаза вращались – во всяком случае, эти двое так рассказывали. Они проснулись от его рычания и воплей... Санитары вбежали поздно – проспали, козлы... Когда они явились, в Ивана Алексеевича уже бес вселился. На соседей по палате он не бросался, но был в явном неадеквате. Рвота, бессвязный лепет, перевернул зачем-то свою кровать... Санитары бросились, чтобы его зафиксировать, он побежал к окну, оступился, ударился виском о подоконник... Прости, Андрей, можешь, конечно, вчинить иск к больнице или лично мне набить морду – ведь я обещал одно, а допустил такое... Но, видит бог, это трагическая случайность, это не должно было случиться...

Шура замолчал. Он действительно был расстроен. Работник морга подавил зевету и вернул простыню на место, хотя никто его не просил. Андрей почувствовал облегчение – спасибо, товарищ.

– У истории было продолжение, – глухо вещал Шура. Со стороны казалось, что капельки пота у него на лбу превратились в льдинки и прилипли к коже. – Иван Алексеевич не одинок в своей участи. В девять утра схожая история приключилась со вторым обитателем несчастливой палаты – неким Анищенко. Он впал в буйство, при этом облил всех присутствующих рвотой, ругался, как прапорщик, накинулся на третьего бедолагу. Но санитары уже не дремали – прибыли и зафиксировали, как говорится... вернее, как поется. Ничем хорошим это не кончилось – Анищенко активно конвульсировал и через пару минут скон-